

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА (Перевод В. Левики)
Предисловие к Песни1.

Вымышленный герой был введен мной в поэму с целью связать ее отдельные части. Кое-кто может заподозрить, будто в этом вымышленном характере Чайльд-Гарольда я реально изобразил реально существующую личность. Такое подозрение я позволю себе отвергнуть раз и навсегда. Гарольд — дитя воображения... <...> Было бы приятнее и, конечно, легче изобразить более привлекательный характер. Было бы легко притушить его недостатки, заставить его больше делать и меньше говорить, но он предназначался отнюдь не для того, чтобы служить

примером. Скорее следовало бы учиться на нем тому, что ранняя развращенность сердца и пренебрежение моралью ведут к пресыщенности прошлыми наслаждениями и разочарованию в новых, и красоты природы, и радость путешествий, и вообще все побуждения, за исключением только честолюбия — самого могущественного из всех, потеряны для души, так созданной, или, вернее, ложно направленной. Д.Г.Байрон.

ИЗ ПЕСНИ ПЕРВОЙ

* * *

Не ты ль слыла небесной в древнем мире,
О Муза, дочь Поэзии земной,
И не тебя ль бесчестили на лире
Все рифмачи преступною рукой!
Да не посмеют твой смутить покой!
Хоть был я в Дельфах, слушал, как в пустыне
Звенит твой ключ серебряной волной,
Простой рассказ мой начиная ныне,
Я не дерзну взывать о помощи к богине.

* * *

Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным.
В безумной жажде радостей и нег,
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду.

Он звался Чайльд-Гарольд (1). Не все равно ли,
Каким он вел блестящим предкам счет!
Хоть и в гражданстве и на бранном поле
Они снискали славу и почет,
Но осрамит и самый лучший род
Один бездельник, развращенный ленью.
Тут не поможет ворох льстивых од,
И не придашь, хвалясь фамильной сенью,
Пороку — чистоту, невинность — преступленью.

Вступая в девятнадцатый свой год,
Как мотылек, резвился он, порхая,
Не помышлял о том, что день пройдет
И холодом повеет тьма ночная.
Но вдруг в расцвете жизненного мая

Заговорило пресыщенье в нем,
Болезнь ума и сердца роковая,
И показалось мерзким все кругом:
Тюрьмою — родина, могилой — отчий дом.

Он совести не знал укором строгих
И слепо шел дорогою страстей.
Любил одну — прельщал любовью многих,
Любил — и не назвал ее своей.
И благо ускользнувшей от сетей
Развратника, что, близ жены скучая,
Бежал бы вновь на буйный пир друзей
И, все, что взял приданым, расточая,
Чуждался б радостей супружеского рая.

Но в сердце Чайльд глухую боль унес,
И наслаждений жажда в нем остыла,
И часто блеск его внезапных слез
Лишь гордость возмущенная гасила.
Меж тем тоски язвительная сила
Звала покинуть край, где вырос он,
Чужих небес приветствовать светила.
Он звал печаль, весельем пресыщен,
Готов был в ад бежать, но бросить Альбион.

* * ◆

И в жажде новых мест Гарольд умчался,
Покинув свой почтенный старый дом,
Что сумрачной громадой возвышался,
Весь почерневший и покрытый мхом.
Назад лет сто он был монастырем,
И ныне там плясали, пели, пили,
Совсем как в оны дни, когда тайком,
Как повествуют нам седые были,
Святые пастыри с красотками кутили.

* * #

Но часто в блеске, в шуме людных зал
Лицо Гарольда муку выражало.
Отвергнутую страсть он вспоминал
Иль чувствовал вражды смертельной жало, —
Ничье живое сердце не узнало.
Ни с кем не вел он дружеских бесед.
Когда унынье душу омрачало,
В часы раздумий, в дни сердечных бед
Презреньем он встречал сочувственный совет.

* * #

И в мире был он одинок. Хоть многих
Поил он щедро за столом своим,
Он знал их, прихлебателей убогих,
Друзей на час, — он ведал цену им.
И женщинами не был он любим.
Но, боже мой, какая не сдается,
Когда мы блеск и роскошь ей сулим!
Так мотылек на яркий свет несется,
И плачет ангел там, где сатана смеется.

* * *

У Чайльда мать была, но наш герой,
Собравшись бурной ввериться стихии,
Ни с ней не попрощался, ни с сестрой,
Единственной подругой в дни былые.
Ни близкие не знали, ни родные,
Что едет он. Но то не черствость, нет:
Хоть отчий дом он покидал впервые,
Уже он знал, что сердце много лет

Хранит прощальных слез неизгладимый след.

* * *

Наследство, дом, поместья родовые,
Прелестных дам, чей смех он так любил,
Чей синий взор, чьи локоны золотые
В нем часто юный пробуждали пыл,—
Здесь даже и святой бы согрешил,—
Вином бесценным полные стаканы,—
Все то, чем роскошь радует кутил,
Он променял на ветры и туманы,
На рокот южных волн и варварские страны.

* * #

Дул свежий бриз, шумели паруса,
Все дальше в море судно уходило,
Бледнела скал прибрежных полоса,
И вскоре их пространство поглотило.
Быть может, сердце Чайльда и грустило,
Что повлеклось в неведомый простор,
Но слез не лил он, не вздыхал уныло,
Как спутники, чей увлажненный взор,
Казалось, обращал к ветрам немой укор.

* * ◆

Когда же солнце волн коснулось краем,
Он лютню (2) взял, которой он привык
Вверять все то, чем был обуреваем
Равно и в горький и в счастливый миг,
И на струнах отзывчивых возник
Протяжный звук, как сердца стон печальный,
И Чайльд запел, а белокрылый бриг
Летел туда, где ждал их берег дальний,
И в шуме темных волн тонул напев прощальный.

Прости, прости! Все крепнет шквал,
Все выше вал встает,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Плывем на запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!
Промчится ночь, оно взойдет
Сиять другому дню.
Увижу море, небосвод,
Но не страну мою.
Погас очаг мой, пуст мой дом,
И двор травой зарос.
Мертво и глухо все кругом,
Лишь воет старый пес.

Мой паж, мой мальчик, что с тобой?
Я слышал твой упрек.
Иль так напуган ты грозой,
Иль на ветру продрог?
Мой бриг надежный крепко сшит,
Ненужных слез не лей.
Быстрейший сокол не летит
Смелей и веселей.

«Пусть воет шквал, бурлит вода,
Грохочет в небе гром,—
Сэр Чайльд, все это не беда,
Я плачу о другом.
Отца и мать на долгий срок

Вчера покинул я,
И на земле лишь вы да бог
Теперь мои друзья.
Отец молитву произнес
И отпустил меня,
Но знаю, мать без горьких слез
Не проведет и дня».

Мой паж, дурные мысли прочь,
Разлуки минет срок!
Я сам бы плакал в эту ночь,
Когда б я плакать мог.
Мой латник верный, что с тобой?
Ты мертвеца бледней.
Предвидишь ты с французом бой,
Продрог ли до костей?

«Сэр Чайльд, привык я слышать гром
И не бледнеть в бою,
Но я покинул милый дом,
Любимую семью.
Где замок ваш у синих вод,
Там и моя страна.
Там сын отца напрасно ждет
И слёзы льет жена».
Ты прав, мой верный друг, ты прав,
Понятна скорбь твоя,
Но у меня беспечный нрав,
Смеюсь над горем я.
Я знаю, слезы женщин — вздор,
В них постоянства нет.
Другой придет, пленит их взор,
И слез пропал и след.
Мне ничего не жаль в былом,
Не страшен бурный путь,
Но жаль, что, бросив отчий дом,
Мне не о ком вздохнуть.
Вверяюсь ветру и волне,
Я в мире одинок.
Кто может вспомнить обо мне?
Кого б я вспомнить мог?
Мой пес поплачет день-другой,
Разбудит воем тьму
И станет первому слугой,
Кто бросит кость ему.
Наперекор грозе и мгле,
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам — в конце пути —
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!

* * *

Плывет корабль унылых вод равниной,
Шумит Бискайи пасмурный залив.
На пятый день из волн крутой вершиной,
Усталых и печальных ободлив,
Роскошной Синтры (3) горный встал массив.
Вот, моря данник, меж холмов покатых
Струится Тахо(4), быстр и говорлив.
Они плывут меж берегов богатых,
Где волнам вторит шум хлебов, увы, несжатых.

* * *

Неизъяснимой полон красоты
Весь этот край, обильный и счастливый,
Роскошны здесь деревья и цветы,
Прекрасны пышно зреющие нивы,
И берега, и синих рек извивы.
Но в эту землю вторглись палачи,—
Срази, о небо, род их нечестивый!
Все молнии, все громы ополчи,
Избавь Эдем(5) земной от галльской саранчи!..(6)

* * *

Но посмотри, на склонах, близ дороги,
Стоят кресты. Заботливой рукой
Не в час молитв, не в помыслах о боге
Воздвигли их. Насилье и разбой
На этот край набег свершили свой,
Земля внимала жертв предсмертным стонам,
И вопиют о крови пролитой
Кресты под равнодушным небосклоном,
Где мирный труженик не огражден законом.

* * *

На пышный дол глядят с крутых холмов
Руины, о былом напоминая.
Где был князей гостеприимный кров,—
Там ныне камни и трава густая.
Вон замок тот, где жил правитель края,
И ты, кто был так сказочно богат,
Ты, Ватек(7), создал здесь подобье рая,
Не ведая средь царственных палат,
Что все богатства — тлен и мира не сулят.

* * *

Ты свой дворец воздвигнул здесь, в долине,
Для радостей, для нег и красоты.
Но запустеньем все сменилось ныне,
Бурьян раскинул дикие кусты,
И твой эдем — он одинок, как ты.
Обрушен свод, остались только стены,
Как памятники брэнной суеты.
Не все ль улады бытия мгновенны!
Так на волне блеснет — и тает сгусток пены...

И, полный смуты, все вперед, вперед
Меж горных круч смятенный Чайльд стремится.
Он рад уйти, бежать от всех красот,
Он рвется вдаль, неутомим, как птица.
Иль совесть в нем впервые шевелится?
Да, он клянет пороки буйных лет,
Он юности растроченной стыдится,
Ее безумств и призрачных побед, -
И все мрачнее взор, узревший Правды свет.

* * *

Коня! Коня! Гонимый бурей снова,
Хотя кругом покой и тишина,
Назло дразнящим призракам бывшего
Он ищет не любовниц, не вина,
Но многие края и племена
Изведает беглец неугомонный,
Пока не станет цель ему ясна,
Пока, остывший, жизнью умудренный,
Он мира не найдет под кровлей благосклонной.

* * *

...Холмы все реже, местность все ровней,
Бедней поля, и зелень уж другая.

И вот открылась даль пустых степей,
И, кажется, им нет конца и края.
Пред ним земля Испании нагая,
Где и пастух привык владеть клинком,
Бесценные стада оберегая.
В соседстве с необузданным врагом
Испанец должен быть солдатом иль рабом,
* * *

...Романтики воскресшая страна,
Испания, где блеск твоей державы?
Где крест, которым ты была сильна,
Когда предатель мстил за слезы Кавы,
И трупы готов нес поток кровавый?
Твой стяг царям навязывал закон,
Он обуздал разбойничьи оравы,
И полумесяц пал, крестом сражен,
И плыл над Африкой вой мавританских жен.

Теперь лишь в песнях отзвук тех побед(8),
Лишь в песнях вечность обрели герои,
Столпы разбиты, летописей нет,
Но помнит песнь величие былое.
Взгляни с небес на поприще земное,
О Гордость! Рухнет бронза и гранит,
И только песнь верней, чем все иное,
Когда историк лжет, а льстец забыт,
Твое бессмертие в народе сохранит.
* * *

К оружию, испанцы! Мщенье, мщенье!
Дух Реконкисты правнуков зовет.
Пусть не копье подымлет он в сраженье,
Плюмажем красным туч не достает,
Но, свистом пуль означив свой полет,
Ощерив жерла пушек роковые,
Сквозь дым и пламень кличет он: вперед!
Иль зов его слабей, чем в дня былые,
Когда он вдохновлял сынов Андалусии?!

Я слышу звон металла и копыт И крики битвы в зареве багряном —
То ваша кровь чужую сталь поит,
То ваши братья сражены тираном.
Войска его идут тройным тараном,
Грохочут залпы на высотах гор,
И нет конца увечиям и ранам.
Летит на тризну Смерть во весь опор,
И ярый бог войны приветствует раздор.
...Великолепно зрелище сраженья
(Когда ваш друг в него не вовлечен).
О, сколько блеска, грома и движенья!
Цветные шарфы, пестрый шелк знамен,
Сверкает хищно сталь со всех сторон,
Несутся псы, добычу настигая.
Не всем триумф, но всем — веселый гон,
Всем будет рада Мать-земля сырая.

И шествует Война, трофеи собирая.
Три знамени зывают к небесам,
Три языка воздвигли спор ужасный.
Француз, испанец, бритт сразились там, —
Враг, жертва и союзник тот опасный (9),
В чью помощь верить — право, труд напрасный.
У Талаверы, смерть ища в бою
(Как будто ей мы дома не подвластны),

Сошлись они, чтоб кровь пролить свою,
Дать жирный тук полям и пищу воронью (10).

* * *

И здесь им тлеть — глупцам, прельщенным славой
И славы удостоенным в гробах!
О, бред! Орудья алчности кровавой —
Их тысячи тиран бросает в прах,
Свой воздвигая трон на черепах, —
Спроси зачем — во имя сновиденья!
Он царствует, пока внушает страх,
Но станет сам добычей смрадной тленья,
И тесный гроб ему заменит все владенья.

* * *

...И вот Севилью видит пилигрим!
Еще блистает буйной красотою
Свободный город, но уже над ним
Насилье кружит. Огненной пятою
Войдет тиран, предаст его разбою
И грабежу (11). О, если б смертный мог
Бороться с неизбежною судьбою!
Не пала б Троя, Тир (12) не изнемог,
Добро не гибло бы, не властвовал порок.
Но, близящихся бед не сознавая,
Еще Севилья пляшет и поет,
Веселая, беспечная, живая.
Тут патриотам их страна не в счет!
Воркуют лютни, барабан не бьет,
Над всем царит веселье молодое,
Разгул свершает поздний свой обход,
И Преступление крадется ночное
Вдоль стен, дряхлеющих в торжественном покое.
Не то крестьянин. С бледною женой
Он тужит днем, ночей не спит в печали.
Их виноградник вытоптан войной,
В селе давно фанданго(13) не плясали.
Звезда любви восходит, но едва ли
Раздастся дробь веселых кастаньет.
Цари, цари! Когда б вы только знали
Простое счастье! Смолк бы гром побед,
Не стал бы трубный зов предвестьем стольких бед!

* * *

Какою ныне песней оживляет погонщик мулов долгий переход?
Любовь ли, старину ли прославляет, как славил их, когда не знал забот?
Нет, он теперь «Viva el Rey» (14) поет, но вдруг, Годоя (15) вспомнив, хмурит брови
И Карла рогоносного клянет, А с ним — его Луизу, в чьем алькове измена родилась, алкающая крови.

* * *

Среди равнины голой, на скале, чернеют стены мавританских башен.
Следы копыт на раненой земле, Печать огня на черном лике пашен.
Здесь орды вражки, грозен и бесстрашен, Андалусийский селянин встречал,
Здесь кровью гостя был не раз окрашен
Его клинок, когда на гребнях скал драконьи логова он дерзко штурмовал.

* * *

Здесь, не надев на шляпу ленты красной, не смеет появиться пешеход.
Когда ж дерзнет — раскается несчастный: То будет знак, что он не патриот.
А нож остер, он мимо не скользнет! О Франция! давно бы ты дрожала,
Когда б имел хоть ружья здесь народ,
Когда б от взмаха гневного кинжала тупели тесаки и пушка умолкала.

С нагих высот Морены (16) в хмурый дол Стволы орудий смотрят, выжидая.
Там бастион, тут ямы, частокол, Там ров с водой, а там скала крутая
С десятком глаз внимательных вдоль края, Там часовой с опущенным штыком,
Глядят бойницы, дулами сверкая,
Фитиль зажжен, и конь — под чепраком, И ядра горками уложены кругом.

...Ужель вам смерть судьба определила, О юноши, Испании сыны!
Ужель одно: покорность иль могила, Тирана смерть иль гибель всей страны?
Вы стать подножьем деспота должны!
Где бог? Иль он не видит вас, герои, Иль стоны жертв на небе не слышны?
Иль тщетно все: искусство боевое, Кровь, доблесть, юный жар, честь, мужество стальное!

Не оттого ль, для битв покинув дом,
Гитару дочь Испании презрела,
Повесила на иву под окном
И с песней, в жажде доблестного дела,
На брань с мужами рядом полетела?
Та, кто, иголкой палец уколов
Или заслышав крик совы, бледнела,
По грудам мертвых тел, под звон штыков
Идет Минервой там, где дрогнуть Марс готов (17)
Ты слушаешь, и ты пленен, но, боже!
Когда б ты знал, какой была она
В кругу семьи, в саду иль в темной ложе!
Как водопад — волос ее волна,
Бездонна глаз лучистых глубина,
Прелестен смех, живой и нестесненный,—
И слово меркнет, кисть посрамлена!
Но вспомни Сарагоссы бастионы,
Где веселил ей кровь мертвящий взгляд Горгоны (18)
Любимый ранен — слез она не льет. Пал капитан — она ведет дружину.
Свои бегут — она кричит: вперед! И натиск новый смёл врагов лавину.
Кто облегчит сраженному кончину? Кто отомстит, коль лучший воин пал?
Кто мужеством одушевит мужчину? — Все, все она! Когда надменный галл
Пред женщинами столь позорно отступал?

* * *

...О ты, Парнас! Ты мне сияешь въяве,
Не сновиденьем беглым, не мечтой,
Но здесь, во всей тысячелетней славе,
Запечатленный дикой красотой,
На этой почве древней и святой.
Так я ли, твой паломник, о могучий,
Тебя хоть краткой не почту хвалой!
О, пусть услышу отклик твой певучий
И муза крыльями взмахнет над снежной кручей.
Как часто мне являлся ты во сне! Я слышал звуки древних песнопений,
И час настал, и ты открылся мне. Я трепещу, и клонятся колени.
Передо мной — певцов великих тени, И стыдно мне за слабый голос мой.
О, где найти слова для восхвалений! И, бледный, умиленный и немой,
Я тихо радуюсь: Парнас передо мной!

* * *

Сколь многие тебя в восторге пели,
Ни разу не видав твоих красот,
Не посетив страны твоей,— так мне ли
Сдержать порыв, когда душа поет!
Пусть Аполлон покинул древний грот,
Где муз был трон, там ныне их гробница,—
Но некий дух прекрасный здесь живет,
Он в тишине лесов твоих таится,
И вздохи ветру шлет, и в глубь озер глядится.
...Прощай! Нигде средь этих древних гор, Ни даже в дни Эллады золотые,
Когда гремел еще дельфийский хор, Звучали гимны пифии святые,
Верь, не являлись девы молодые Прекрасней тех, что дивно расцвели
Средь пылких нег в садах Андалусии! О, если б мир им боги принесли,
Хоть горький мир твоей, о Греция, земли!

* * *

Горда Севилья роскошью и славой, Прекрасны в ней минувшего черты,
И все ж ты лучше, Кадикс многоглавый, Хоть похвалы едва ль достоин ты.

Но чьей порок не соблазнял мечты, Кто не блуждал его тропой опасной,
Пока блистали юности цветы? Вампир с улыбкой херувима ясной,
Для каждого иной, для всех равно прекрасный!

* * *

...С утра до Ночи, с ночи до утра
Здесь праздный люд на улицах толпится,
Плащи, мантильи, шляпы, веера,
Гирлянды роз,—весь город веселится,
Повсюду смех и праздничные лица,
Умеренность на стыд обречена.
Приехал — можешь с трезвостью проститься!
Здесь царство пеон и, пляски и вина,
И, верите, любовь с молитвою дружна.
...И день седьмой ведет заря в тумане, Пустеет Лондон в этот день святой.
Принарядясь, идут гулять мещане, Выходит смывший грязь мастеровой
В неделю раз на воздух полевой. По всем предместьям катит и грохочет
Карет, ландо(19), двуколок шумный рой, И конь, устав, уже идти не хочет,
А пеший грубиян глумится и хохочет.

Один с утра на Темзу поспешил, Другой пешком поплелся на заставу,
Тех манит Хайгет или Ричмонд-Хилл, А этот в Вер (20) повел друзей ораву.
По сердцу всяк найдет себе забаву, — Тем невтерпеж почтить священный рог,
А тем попить и погулять на славу, И, смотришь, пляшут, не жалея ног,
С полночи до утра и тянут эль и гог (21).
Безумны все, о Кадикс, но тобою побит рекорд. На башне девять бьет,
И тотчас, внемля колокола бою, Твой житель четки набожно берет.
Грехам у них давно потерян счет, И все у Девы просят отпущенья (Ведь дева здесь одна на весь народ!),
И в цирк несутся все без исключения: Гранд, нищий, стар и млад — все жаждут развлечения.

* * *

Ворота настезь, в цирке уж полно,
Хотя еще сигнала не давали.
Кто опоздал, тем сесть не суждено.
Мелькают шпаги, ленты, шляпы, шали.
Все дамы, все на зрелище попали!
Они глазами так и целят в вас,
Подстрелят мигом, но убьют едва ли
И, ранив, сами вылетят тотчас
(Мы гибнем лишь в стихах из-за прекрасных глаз),

* * *

Но стихло все. Верхом, как отлитые,
Въезжают пикадоры из ворот.
Плюмаж их белый, шпоры — золотые,
Оружье — пика. Конь храпит и ржет,
С поклоном выступают все вперед.
По кругу — вскачь, и шарф над каждым вьется.
Их четверо. Кого ж награда ждет?
Кого толпа почит как полководца,
Кому восторженно испанка улыбнется?

* * *

В середине круга — пеший матадор. Противника надменно ждет он к бою.
Он облачен в блистательный убор, он шпагу держит сильною рукою.
Вот пробует медлительной стопою, хорош ли грунт. Удар его клинка —
как молния. Не нужен конь герою, Надежный друг, что на рогах быка
Нашел бы смерть в бою, но спас бы седока.

* * *

Трубят протяжно трубы, и мгновенно Цирк замер. Лязг засова, взмах флажком
И мощный зверь на желтый круг арены Выносится в пролет одним прыжком.
На миг застыл. Не в бешенстве слепом, Но в цель уставясь грозными рогами,
Идет к врагу, могучим бьет хвостом, Взметает гравий и песок ногами
И яростно косит багровыми зрачками.
Но вот он стал. Дорогу дай, смельчак, Иль ты погиб! Вам биться, пикадоры!
Смертелен здесь один неверный шаг, Но ваши кони огненны и скоры.

На шкуре зверя чертит кровь узоры. Свист бандериллий (22), пик разящих звон...
Бык повернул, идет — скорее шпоры! Гигантский круг описывает он
И мчится, бешенством и болью ослеплен.
И вновь назад! Бессильны пики, стрелы, Конь раненый, взвиваясь, дико ржет.
Наездники уверены и смелы, Но тут ни сталь, ни сила не спасет.
Ужасный рог вспорол коню живот,
Другому — грудь. Как рана в ней зияет! Разверст очаг, где жизнь исток берет.
Конь прятнул, мчится, враг его бросает,
Он гибнет, падая, но всадника спасает.

* * *

Средь конских трупов, бандериллий, пик,
Изранен, загнан, изнурен борьбою,
Стоит, храпя, остервенелый бык,
А матадор взвивает над собою
Свой красный шарф, он дразнит, нудит к бою,
И вдруг прыжок, и вражий прорван строй,
И бык летит сорвавшейся горою.
Напрасно! Брошен смелою рукой,
Шарф хлещет по глазам; взмах, блеск,
и кончен бой.

* * *

Где сражена с затылком мощным шея, Там входит сталь. Мгновенье медлит он,
Не хочет, гордый, пасть к ногам злодея, Не выдаст муки ни единый стон.
Но вот он рухнул. И со всех сторон Ревут, вопят, ликуют, бьют в ладони.
Въезжает воз, четверкой запряжен,
Втащили тушу, и в смятенье кони, рванув, во весь опор бегут, как от погони.

Так вот каков испанец! С юных лет
Он любит кровь и хищные забавы.
В сердцах суровых состраданья нет,
И живы здесь жестоких предков нравы.
Кипят междоусобные расправы.
Уже я мнил, война народ сплотит, —
Увы! Блюда обычай свой кровавый,
Здесь другу мстят из-за пустых обид,
И жизни теплый ключ в глухой песок бежит.

Но ревность, заточенные красотки, Невольницы богатых стариков,
Дуэнья (23) их, и запоры, и решетки — Все минуло, все ныне — хлам веков.
Чьи девы так свободны от оков, Как (до войны) испанка молодая,
Когда она плясала средь лугов Иль пела песнь, венок любви сплетая,
И ей в окно луна светила золотая?
Гарольд не раз любил, иль видел сон — Да, сон любви: любовь ведь сновиденье.
Но стал угрюмо-равнодушным он. Давно в своем сердечном охлажденье
Он понял: наступает пробужденье, И пусть надежды счастье нам сулят,
Кончается их яркое цветенье, Волшебный исчезает аромат,
И что ж останется? Кипящий в сердце яд.
В нем прелесть женщин чувства не будила,
Он стал к ним равнодушной мудреца,
Хотя его не мудрость охладила,
Свой жар высокий льющая в сердца.
Изведав все пороки до конца,
Он был страстями, что отбушевали,
И пресыщеньем обращен в слепца,
И жизнеотрицающей печали
Угрюмым холодом черты его дышали.
Он в обществе был сумрачен и хмур,
Хоть не питал вражды к нему. Бывало,
И песнь споет, и протанцует тур, Но сердцем в том участвовал он мало,
Лицо его лишь скуку выражало. Но раз он бросил вызов сатане.
Была весна, все радостью дышало, С красавицей сидел он при луне
И стансы ей слагал в вечерней тишине.

ИНЕССЕ

Не улыбайся мне, не жди
Улыбки странника ответной.
К его бесчувственной груди
Не принимай в печали тщетной.
Ты не поделишь, милый друг,
Страдания дней его унылых,
Ты не поймешь причины мук,
Которым ты помочь не в силах.
Когда бы ненависть, любовь
Иль честолюбье в нем бродило!
Нет, не они велят мне вновь
Покинуть все, что сердцу мило.
То скука, скука! С давних пор
Она мне сердце тайно гложет.
О, даже твой прекрасный взор,
Твой взор его развлечь не может!
Томим сердечной пустотой,
Делю я жребий Агасфера (24).
И в жизнь за гробовой чертой,
И в эту жизнь иссякла вера.
Бегу от самого себя,
Ищу забвенья, но со мною
Мой демон злобный, мысль моя,—
И в сердце места нет покою.
Другим все то, что скучно мне,
Дает хоть призрак наслажденья.
О, пусть пребудут в сладком сне,
Не зная муки пробужденья!
Проклятьем прошлого гоним,
Считаюсь без друзей, без дома
И утешаюсь тем одним,
Что с худшим сердце уж знакомо.
Но с чем же? — спросишь ты. О нет,
Молчи, дитя, о том ни слова!
Взгляни с улыбкой мне в ответ,
Но сердца не пытай мужского.

Прости, прости, прекрасный Кадикс мой! Напрасно враг грозил высоким стенам,
Ты был средь бурь незыблемой скалой, ты не знаком с покорностью и пленом.
И если, гневом распален священным, Испанца кровь дерзал ты проливать,—
То суд был над изменником презренным (25).
Но изменить могла здесь только знать,
Лишь рыцарь был готов чужой сапог лобзать.
Испания, таков твой жребий странный:
Народ-невольник встал за вольность в бой.
Бежал король, сдаются капитаны,
Но твердо знамя держит рядовой.
Пусть только жизнь дана ему тобой,
Ему, как хлеб, нужна твоя свобода.
Он все отдаст за честь земли родной,
И дух его мужает год от года.
«Сражаться до ножа!» — таков девиз народа.
...Ты видишь трупы женщин и детей
И дым над городами и полями?
Кинжала нет — дубиной, ломом бей!
Пора кончать с незванными гостями!
На свалке место им, в помойной яме!
Псам кинуть труп — и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями
И тлеть оставь — пусть внук по ним прочтет,
Как защищал свое достоинство народ!

...Вот странствий Чайльда первая страница. Кто пожелает больше знать о нем,
Пусть следовать за мною потрудится, Пока есть рифмы в словаре моем.
Бранить меня успеете потом. Ты, критик мой, сдержи порыв досады!
Прочти, что видел он в краю другом, Там, где заморских варваров отряды
Бесстыдно грабили наследие Эллады.

ИЗ ПЕСНИ ВТОРОЙ

Пою тебя, небесная, хоть к нам, Поэтам бедным, ты неблагоприятна.
Здесь был, богиня мудрости, твой храм. Над Грецией прошли врагов знамена,
Огонь и сталь ее терзали лоно, Бесчестило владычество людей,
Не знавших милосердия и закона

На штурм небес отважившийся гений. Здесь разум на фундаменте сомнений
Дерзнул создать мятежной мысли храм, И если гром не сжег ее творений,
Так, значит, не впервые небесам Улыбкой отвечать на все угрозы нам.
Один из них Протей (26) был — вечно новый, Изменчивый, ни в чем не знавший уз,
Шутник, мудрец, то кроткий, то суровый, Хронист, ученый и любимец муз,
Предписывавший миру мненья, вкус, Оружьем смеха исправлявший нравы,
Как ветер вольный, истинный француз, Прямой, коварный, добрый, злой, лукавый,
Бичующий глупцов колеблющий державы.
Другой (27) — пытлив, медлителен, глубокий, Упорством мысли изощрял сужденья,
Оттачивал иронии клинок, Отдав труду ночей бессонных бденья,
Насмешкой низвергал предубежденья, И — бог сарказма! — яростью глупцов
Был ввергнут в ад на муки искупленья, Там, если верить рассказам попов,
Для усомнившихся ответ на все готов.

ИЗ ПЕСНИ ЧЕТВЕРТОЙ

...Я изучил наречия другие,
К чужим входил не чужестранцем я.
Кто независим, тот в своей стихии,
В какие ни попал бы он края,—
И меж людей, и там, где нет жилья.
Но я рожден на острове Свободы
И Разума — там родина моя,
Туда стремлюсь! И пусть окончу годы
На берегах чужих, среди чужой Природы,
* * *

И мне по сердцу будет та страна,
И там я буду тлеть в земле холодной,—
Моя душа! Ты в выборе вольна.
На родину направь полет свободный,
И да останусь в памяти народной,
Пока язык Британии звучит,
А если будет весь мой труд бесплодный
Забыт людьми, как ныне я забыт,
И равнодушие потомков оскорбит
* * *

Того, чьи песни жар в сердцах будили,— Могу ль роптать? Пусть в гордый пантеон
Введут других, а на моей могиле Пусть будет древний стих напечатлен:
«Среди спартанцев был не лучшим он» (28).
Шипами мной посаженного древа — Так суждено! — я сам окровавлен,
И, примирясь, без горечи, без гнева
Я принимаю плод от своего посева...

Концовка песни 4

* * *

Тебя любил я, море! В час покоя
Уплыть в простор, где дышит грудь вольней,
Рассечь руками шумный вал прибоя —
Моей отрадой было с юных дней.
И страх веселый пел в душе моей,

Когда гроза внезапно налетала,
Твое дитя, я радовался ей,
И, как теперь, в дыханье буйном шквала
По гриве пенистой рука тебя трепала.
Мой кончен труд, дописан мой рассказ,
И гаснет, как звезда перед зарею,
Тот факел, о который я не раз
Лампаду поздней зажигал порою.
Что написал, то написал,— не скрою,
Хотел бы лучше, но уж я не тот,
Уж, верно, старость кружит надо мною,
Скудеет чувств и образов полет,
И скоро холодом зима мне в грудь дохнет...

1 Чайльд — в средневековой Англии титул молодого дворянина, еще не посвященного в рыцарское звание; соответствует старорусскому «отрок». Байрон подчеркивает здесь древность рода героя.

2. Лютя — старинный щипковый музыкальный инструмент.

3 Синтра — город и горный кряж в Португалии.

4 Тахо — река, протекающая в Испании и Португалии.

5 Эдем — согласно библейской легенде, земной рай, из которого были изгнаны прародители — Адам и Ева.

6 Байрон имеет в виду французские наполеоновские войска, вторгшиеся в Испанию с целью захватить ее и присоединить к Франции.

7 Ватек — герой одноименного романа английского писателя В. Бэкфорда, современника Байрона.

8 Байрон имеет в виду испанские народные песни, легенды и сказания, которые запечатали многовековые кровопролитные войны испанцев с маврами — арабами, переселившимися из Северной Африки на Пиренейском полуострове

9 Опасный союзник — Англия, находившаяся в военном союзе с Испанией, против которой выступила Франция.

10 Речь идет о битве при городе Талавера 27—28 июля 1809 года.

11 Байрон посетил Севилью летом 1809 года, а в январе 1810 года город был взят французскими войсками.

12 Тур — древний финикийский город, уничтоженный Александром Македонским после длительной осады

13 Фанданго — испанский народный танец.

14 «Да здравствует король!» (осп.).

15 Годой, Манюэль — испанский государственный деятель, фаворит королевы, в конце XVIII — начале XIX века фактически правивший страной. После вторжения Наполеона был вынужден спасаться бегством.

16 Сьерра-Морена — горная гряда на юге Испании.

17 Минерва (Афина Паллада) — в древнегреческой мифологии богиня мудрости, богиня-воительница. Марс — бог войны.

18 Горгона — в древнегреческой мифологии женщина со змеями вместо волос на голове. От взгляда Горгоны человек превращается в камень.

19 Ландо — четырехместная карета с откидным верхом.

20 Хайгет, Ричмонд-Хилл, Вер — дачные места под Лондоном.

21 Эль — крепкое светлое пиво; грог — горячий напиток из коньяка или рома с сахаром.

22 Бандерилья — небольшое копье, употребляемое при бое быков

23 Дуэнья — в Испании — пожилая женщина, назначаемая в «компаньонки» девушке или молодой женщине и следящая за каждым ее шагом.

24 Агасфер — «Вечный жид», по преданию, бессмертный и осужденный, не находя себе пристанища, скитаться по земле «до скончания веков» за то, что не открыл дверь дочери, которую по ложному обвинению преследовала разъяренная толпа

25 Кадикс прославился как неприступная крепость во время освободительной войны 1807—1814 годов. Байрон напоминает, что этот город был цитаделью испанской независимости и в период борьбы с маврами. В 1809 году губернатор Кадикса был убит народом за измену.

26 В древнегреческой мифологии морское божество, способное бесконечно менять свой внешний облик. Байрон сравнивает с Протеем Вольтера.

27 Речь идет о Дидро — французском просветителе, атеисте

28 Так ответила мать убитого спартанского полководца Брасида тем, кто превозносил доблесть ее сына.